

Серьезный взгляд Ируки заставил меня вздохнуть еще раз, когда я вернулся в круг потрясенных детей. Могу ли я быть дружелюбным? Да. Буду ли? Нет. Дети поддерживают друг друга эмоционально, и хотя я рассеянно подумывал о том, чтобы стать другом Наруто (считай: — нянчиться с ним, пока он не перестанет выставять себя на посмеище), я опасался делать что-то, что может повлиять на его детство.

Я увернулся от явного удара и повернулся так, чтобы оказаться лицом к лицу с блондинчиком, который бежал на меня, моих ониксово-черных глаз было более чем достаточно, чтобы прочитать его движения. Я отбил удар, и потянул за запястье другой удар, снова поменявшись позициями с Узумаки, который, споткнувшись, упал на землю, но тут же вскочил на ноги.

Учитывая последние главы манги, я отчетливо осознавал, что он был ходячей ядерной боеголовкой, а может, и хуже. И если его детство, каким бы ужасным оно ни было и каким бы оно ни собиралось быть, породило такого веселого и не склонного к массовым убийствам человека, как взрослый Наруто, я опасался вмешиваться. Можно возразить, что аморально оставлять Наруто страдать от одиночества и тому подобного, но, рассуждая так, я должен был попытаться уничтожить всю систему ниндзя, потому что, как бы ни было ужасно одиночество одного ребенка, бесчисленные дети-солдаты были, пожалуй, еще хуже.

И я все еще не знал, в какие безумно опасные ситуации попадет Наруто. Пока что я был мишенью для Орочимару. Держаться рядом с джинчурики[1] без необходимости, казалось просто... глупым. Акацуки[2] могли делать что угодно, я же надеялся покинуть этот мир, пока не стало слишком поздно. Я действительно должен подготовить план Б на случай, если канон пойдет прахом и завтра наступит конец света.

Я уклонился от безумной атаки Наруто, сместившись влево и толкнув блондина в спину, когда он проходил мимо меня, и вздохнул в раздражении от смеха детей, сидящих вокруг нас. Это было чертовски невесело, когда над тобой смеются сверстники, уж я-то знал. Еще больше меня раздражало то, что Киба смеялся вместе с остальными, хотя меньше пяти минут назад он был объектом шуток.

Я медленно приблизился к Кибе, даже не отрываясь от беспорядочных атак Наруто, и когда он бросился на меня в очередной раз, я подмял землю под его ноги, заставив его отлететь к смешливому Инузуке.

Я снова позволил своим мыслям блуждать, пока Ирука заставлял Наруто завершить знак мира со мной, и вместо того, чтобы покинуть круг, я уставился в карие глаза нашего сенсея и сказал: — Я ничему не научусь, танцуя вокруг своих одноклассников, сэнсэй.

— Не оскорбляй своих сверстников, Саске-кун, — упрекнул он меня.

— Это не оскорбление - сказать, что небо голубое, — спокойно ответил я сэнсэю.

Я едва удержался, чтобы не закатить глаза и продолжил говорить: — Спаррингуйте со мной, сэнсэй, чтобы я действительно мог чему-нибудь научиться.

— Это не правильно, — возразил сэнсэй.

Ирука был недоволен моей открытой грубостью, даже кирпич мог бы это сказать, но нельзя было отрицать, что я был прав.

— Если кто-то из них сможет победить меня завтра, они померяются силами с вами, это справедливо, но я думал, что мы здесь, чтобы учиться, а стоять и унижать их не учит меня

ничему, чему бы я хотел научиться, — настоял я. Возможно, неразумно, но в свою защиту могу сказать, что я довольно быстро дошел до предела своих возможностей.

Послышался голос сзади: — Ну же, Ирука, будет нечестно по отношению к Саске не давать ему настоящих тренировок.

Мизуки появился на краю круга с улыбкой на лице, а после добавил — Кроме того, это будет мотивировать остальных!

Я не сводил глаз с Ируки, который, как я предполагал, был эквивалентом нашего "домашнего учителя", и повторил попытку: — Ну-у-у...

Ирука раздраженно ущипнул себя за нос, даже когда они с Мизуки сосредоточились на том, чтобы справиться с яростной оппозицией моих одноклассников, которые быстро разделились между открытыми поклонниками и завистливыми мелкими засранцами. Однако, в конце концов, слова Мизуки, казалось, убедили Ируку, который вышел за пределы круга и жестом пригласил своего беловолосого спутника подойти: — Поскольку Мизуки-сэнсэй поддерживает твою просьбу, было бы невежливо с моей стороны занять его место.

Когда Мизуки расположился на противоположной стороне круга, открыто приняв первую стойку базового каратэ, которую я выучил в первый день пребывания в Академии, я подпрыгнул на месте, чувствуя, как чакра радостно устремляется по телу, и меня охватила дрожь возбуждения.

Мизуки был взрослым, так что я мог выложиться по полной, и я ни на секунду не сомневался, что Хокаге уже знает о моем Шарингане, поэтому, когда я моргнул и, мир приобрел фиолетовый оттенок, с отчетливыми мерцаниями чакры вокруг формы моего противника, я бросился вперед.

Брови Мизуки поднялись в изумлении, и он нанес прямой удар, когда я оказался в зоне досягаемости. Я наклонил туловище вбок, а левой рукой нанес удар по локтю чуунина[3], и мой бег перешел в боковой удар, направленный в колено противника.

Я остановил свой удар, предвидя реакцию Мизуки, и тут же оказался в воздухе, воздух покинул мои легкие с шипением, когда нога, в которую я целился, ударила меня в живот.

Чакра вспыхнула в моем теле, когда я перекатился от удара, подняв руки в перекрестную защиту, которая была проигнорирована Мизуки, он воспользовался тем, что мои глаза не могли видеть его буквально мгновение, чтобы ударить меня ногой снова, не беспокоясь о том, чтобы просто вырубить меня.

Мой центр тяжести сдвинулся, в то время как мои руки изо всех сил сжали ногу Мизуки, и когда он отвел ногу назад, я последовал за движением, оставаясь низко над землей, даже когда мои пальцы вцепились, как гвозди, в коленную чашечку опорной ноги чуунина, удар приземлился на мою макушку и заставил меня шипеть от боли, пока моя спина терлась о землю.

Я отпрыгнул в сторону, едва избежав второго удара инструктора, и снова поднял защиту, задыхаясь как от усилий, так и от боли. Я мог сказать, что у меня появляются синяки и рубцы, но я не переставал двигаться.

Затем слишком большие руки схватили меня за запястья, и даже когда я рванулся вперед, занося ноги, чтобы ударить противника по яйцам, меня выбросило за пределы круга.

Я моргнул, и мир вернулся к своим обычным оттенкам, ускоряясь, пока я смотрел на свои руки.

Я проиграл...

Но, подняв глаза, я увидел ухмыляющуюся Мицуки и открытое удивление на лице Ируки. Может, Хокаге не всем рассказал о Шарингане?

А я только что раскрыл его Мизуки, который является шпионом Орочимару. Я внутренне скривился, даже пытаюсь замедлить дыхание.

«Ну, блядь», — выругался я у себя в голове.

Саске, естественно, подвергается пристальному изучению, и он никак не может придумать способ обмануть Хьюгу. И да, он уже начал злоупотреблять своей родословной: если канон Саске может скопировать тайдзюцу одним взглядом, новый наверняка сможет выяснить, как сделать то же самое с гораздо более приземленными навыками.

Я не останавливался на том, чтобы заставить Саске сжиться с детьми из его собственного класса, этот Учиха знает, что дальше будет настоящее дерьмо, и хотя он стремится стать могущественным, как любой другой персонаж попаданец, о котором вы читали, он может злоупотреблять своей родословной и быть наглым.

Некоторые из вас заметили, что Саске считает Сарутоби ответственным за резню Учихи, потому что он считает, что Каге несет ответственность за каждое действие, совершенное любым членом Конохи, или потому что его знания несовершенны?

Что ж... вам придется продолжить чтение, чтобы узнать это.

[1] Джинчурики - люди, в которых были запечатаны Биджу[3]. Они обладают необычайной силой благодаря огромным запасам чакры, имеющимся в их распоряжении.

[2] Акацуки - группа шиноби, существовавшая за пределами обычной системы скрытых деревень. В течение нескольких десятилетий, Акацуки принимала различные формы и возглавлялась различными людьми. Хотя каждый её состав считался или диверсантами или преступниками, все они стремились сделать мир лучше для жизни согласно собственному видению

[3] Биджу - огромные сгустки чакры, которые воплощаются в облике зверей.